

Томный Жванецкий

Михаил Жванецкий, *новые тексты*
Собрание произведений в 4 томах.
М.: Время, 2001 200 л. - 14 см. - с.б.

Жванецкий обзавелся главным атрибутом классика. Собранием сочинений.

Может ли проза Жванецкого существовать сама по себе, просто как проза, без отсылки к эстрадным выступлениям Аркадия Райкина и самого автора?

Казалось бы, четырехтомник дает на это ясный и определенный ответ. Вот они, книги Жванецкого, на каждое десятилетие по пятьсот страниц. Сиди и читай, неторопливо перелистывая:

- Нормально, Григорий?
- Отлично, Константин!

Тем более что, как справедливо замечено в последнем томе, «не сбылось!». Так хотелось, чтобы после всех революционных реформ батареи стали теплыми и напор воды в трубах стал нормальным, но «не сбылось». И в той мере, в какой не сбылось (а не сбылось почти все), сбылась почти что вся проза Жванецкого.

Сбылась в том смысле, что не устарела, увы. Господи, что же я такое говорю? Получается, что успех Жванецкого весь на наших несчастьях? Выходит, что так. А успех Салтыкова-Щедрина? А Гоголь? А Чехов? В счастливой, преуспевающей России были бы такие писатели? Боюсь, что нет. «Боже, как грустна Россия!» — воскликнул Пушкин, прочитав Гоголя. Зато как весела проза Гоголя и проза Жванецкого.

Феномен Жванецкого — это же целая феерия. Сначала мы узнали о нем, ничего о нем не зная, по гениальным репризам Аркадия Райкина. Вся страна сочувствовала незадачливому товарищу, распивающему бутылку в «антисанитарных условиях» музея. Потом вдруг выяснилось, что гениальность Райкина — это еще и гениальность Жванецкого. Вернее, это выяснилось отнюдь не сразу. Десять лет страну буквально захлестывали волны фольклорного юмора, который принадлежал Жванецкому. Но страна об этом не знала. Страна была уверена, что это фольклор.

Потом пришла свобода, страна увидела творца своих анекдотов. Увидела и потеряла к нему интерес. Ведь само понятие «анекдот» утратило смысл. Все ранее запретное стало на какое-то время не только разрешенным, но и ненужным. Ненужный

Жванецкий явно загрустил. Его с удовольствием слушал ностальгирующий Брайтон-бич, но вечера в Политехническом под лозунгом «Весь Жванецкий» выглядели не только музейно, но даже антикварно.

Жванецкий обиделся и на какое-то время даже перестал смеяться. Появились грустные размышления о смерти, вызывающие у зрителя и читателя замешательство в купе с недоумением.

Так кто же такой Жванецкий? Философ-разговорник в стиле Скрябина? Юморист-эстражник? Прозаик-минималист? Все вместе, друзья мои, все вместе. Он действительно неотделим от своего эстрадного голоса, но каким-то чудом ему удалось-таки перекодировать интонации своей речи в прозу. А писатель — это прежде всего интонация. Потом стиль. Потом мысль. Потом манера и все остальное. Главное — интонация. Теплая, ироническая, печальная, своя, жванецкая.

Проза Жванецкого — это голос целого полувека. С 60-х по... Какие именно годы, покажет время. Скорей всего, Жванецкого в России будут читать всегда. И вовсе не потому, что все это по-прежнему актуально. Просто без него скучно. Жванецкий почувствовал утраченный пульс времени. Он пишет коротко даже внутри строки.

- У меня высокое давление.
- Пейте раунатин.
- Но тогда оно падает очень низко.
- Пейте кофе.
- Но тогда оно высокое...
- Пейте раунатин.

Это я по памяти привожу типовую сценку из прозы 90-х годов. Помнить надо только два ключевых слов: «раунатин» и «кофе». Остальное выстраивается само.

Если же говорить о всей его прозе, то помнить надо только два слова: «Михаил» и «Жванецкий», остальное выстраивается само. Я не люблю афоризмы и терпеть не могу, когда меня смешат. Жванецкий приятное исключение. Его не читаешь, а вспоминаешь. Вспоминаешь как свое. Четырехтомное собрание лишь досадное напоминание, что все это не мы с вами сочинили.